СОДЕРЖАНИЕ

1

Д. И. Эдельман. Роль Веры Сергеевны Расторгуевой в историко-типологическом изучении иранских языков 5
Г. Джураев. В. С. Расторгуева и школа таджикской диалектологии 16

2

С. В. Дёрин. Атрибутивные сочетания в зороастрийском дари 26
Л. Р. Додыхудоева. Терминология традиционной продукции молочного хозяйства в шугнанском и таджикском языках 35
Б. Б. Лашкарбеков. Сдвиги в этническом самосознании детей мигрантов, представителей малых народов Памира живущих в РФ 57
М. Махмудов. Аффиксальный способ образования глаголов в северных говорах таджикского языка 66
Е. К. Молчанова. К этимологии слова «стол» в иранских языках 76
Е. К. Молчанова, А. Ноурузи. Из лексики бесписьменных языков и диалектов южного Ирана 84
З. О. Назарова, Н. О. Назаров. Традиция знания родословной в семьях Ишкашима 93
Э. К. Собиров. Диалектная лексика, вошедшая в новые таджикские словари 119
С. Хоркашев. Словообразовательные функции суффиксальной морфемы *-чӣ* в южных и юго-восточных говорах таджикского языка 125
О. М. Чунакова. Среднеперсидское *hamē*: частица или наречие 131

УДК 811.15 (08)
ББК 81.2
К11

Печатается по решению Ученого совета института языкознания Российской академии наук

Редколлегия:
Е.К. Молчанова (отв. ред.), Л.Р. Додыхудоева, Д.И. Эдельман

Рецензенты:
С.П. Виноградова, В.Б. Иванов

К11 **К 100-летнему юбилею Веры Сергеевны Расторгуевой. Иранский сборник**. – М., Языки Народов Мира, 2016. – 136 с.

ISBN 978-5-9907685-9-8

Сборник статей по иранистике и смежным областям знания посвящен 100-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующей Сектора иранских языков Института языкознания Российской академии наук Веры Сергеевны Расторгуевой.

Книга интересна, прежде всего, лингвистам, интересующимся историей и современным состоянием языков иранской группы и их связями с другими языками.

УДК 811.15 (08)
ББК 81.2

ISBN 978-5-9907685-9-8

© Институт языкознания РАН, 2016
© Языки Народов Мира, 2016

В. С. РАСТОРГУЕВА И ШКОЛА ТАДЖИКСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Г. Джураев

Институт языка, литературы, востоковедения
и письменного наследия им. Рудаки
АН Республики Таджикистан
Душанбе

Изучение говоров таджикского языка, начало чему было положено в 1861 году публикацией статьи профессора Казанского Университета В.В. Григорьева «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре», — написанной на основе письменных воспоминаний Бухарского торговца Мирзо Шамса, в которой даны характеристики ряда особенностей говора Бухары, — постепенно превратилось в отдельную научную дисциплину. В последующие годы в течение почти 150 лет в развитие этого направления немалый вклад внесли русские ученые — востоковеды А. А. Семенов, А. П. Кузнецов, И. И. Зарубин, М. С. Андреев, Н. А. Кисляков, а в 50–60-е годы А. З. Розенфельд, Р. Л. Неменова, Л. В. Успенская, А. Л. Хромов, таджикские ученые Л. Бузургзода, Б. Ниязмухамедов, О. Джалолов, А. А. Керимова, К. Таирова, Н. Бегбуди, Х. Хамрокулов, М. Эшниязов, Р. Гаффаров, Г. Джураев, Дж. Мурватов, М. Махмудов, М. Махадов, Б. Бердиев, Б. Саъдулаев и др. Однако заслуги профессора Веры Сергеевны Расторгуевой в изучении таджикских диалектов настолько велики, что с её именем неразрывно связано становление и развитие ведущей школы диалектологии, основоположником которой она является. Особенно велики заслуги В. С. Расторгуевой в области таджикской диалектологии:

1. Главной заслугой В. С. Расторгуевой является начало системного изучения говоров и диалектов. Хотя основоположником монографического описания диалектов считают И. И. Зарубина — наставника В. С. Расторгуевой, — однако его исследование «Очерк разго-

ворного языка самаркандских евреев» насчитывает всего 28 страниц [Зарубин 1928]. В тридцатые годы прошлого века были начаты исследования по отдельным говорам и диалектам таджикского языка. Так, отчеты и заметки Л. Бузургзаде были посвящены исфаринским говорам, защищены кандидатские диссертации Н. А. Кисляковым по говору Вахио Боло, А. З. Розенфельд по каратегинскому говору, Б. Ниязмухамедовым по канибадамскому говору, О. Джалоловым по чусткому говору. Однако эти работы (часть которых позднее была опубликована в виде брошюр) дают весьма скудное представление о системе тех или иных говоров. Выход в свет в 1952 году сразу двух выпусков «Очерков по таджикской диалектологии» В. С. Расторгуевой [1952] открыло широкие горизонты в системном изучении таджикских говоров. Первый выпуск, посвященный варзобскому говору таджикского языка, стал не только образцом для последующих выпусков «Очерков…», но и явился своего рода методическим пособием для исследования других говоров. Большим преимуществом первого выпуска «Очерков…» является то, что в нём подробно описываются фонетический состав, морфология и кратко синтаксис предложения говора, определяется отношение варзобского говора к литературному таджикскому языку, а также аргументированно представлены основные отличия данного говора от литературного языка на всех уровнях. В конце «Очерков …» прилагаются образцы разговорной речи, данные по тематическому принципу. В описании варзобского говора В. С. Расторгуева исходит чисто из лингвистических признаков, то есть отличая бытования в районе Варзоба четырех говоров «варзоби», «кулоби», «каратегини» и «вилояти». В своей работе В. С. Расторгуева останавливается лишь на «варзоби», распространенном в 12 кишлаках данного района. Варзобский район представляет особый интерес в геополитическом плане. В результате миграции населения с юга, севера и даже из центральных (Зеравшан) зон в этом районе образовались разнотипные диалекты. Выбирая северный тип говора для подробного анализа, В. С. Расторгуева не исключает появления параллелизмов в структуре данного говора. В частности, по поводу употребления звука «*ў*» она пишет: «Фонематическая значимость звука «ў» несколько стерта: допускается замена его через «*у*»: *рўз//руз* день, *гўр//гур* — могила, *дурўғ//дуруғ* — ложь и т. п.» [Расторгуева 1, 1952, 24]. Такие паралелизмы она отмечает в употреблении звуков *h* и *ɛ*, употреблении послелога *-po//-pa* и т. д. Поэтому относительно места варзобского говора среди других таджикских говоров В. С. Расторгуева писала: «В нём (варзобском говоре. — *Г. Д.*) заметно смещение признаков, свойственных двум

противоположным группам — северо-западной и юго-восточной» [Расторгуева 1, 1952, 144]. Хотя тогда В. С. Расторгуева предлагала варзобский говор выделить вместе гиссарскими в «особую, центральную группу говоров», это исследование стало отправной точкой для расширения её научной деятельности в изучении ряда северных говоров таджикского языка. Так, второй выпуск был посвящен северным говорам полосы Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай [1952], выпуск третий охватывает описание западно-ферганских говоров (ленинабадско-канибадамской группы [1956], а четвертый посвящен южно-ферганским говорам (Риштан, Сох) и говорам уратюбинской группы [1961].

Метод исследования, примененный В. С. Расторгуевой в «Очерках», оказал заметное влияние на исследователей таджикских говоров. Поэтому можно считать, что этот метод, основывающийся на системном и монографическом изучении таджикских говоров, по праву связан с именем В. С. Расторгуевой. Появившиеся в 50–60-х годах прошлого века работы по таджикским говорам, такие как монография Р. Н. Неменовой, посвященной кулябским говорам [1956], Л. В. Успенской — каратагскому говору [1958], А. А. Керимовой говору Бухары [1959], А. Л. Хромова — матчинскому говору [1962], Х. Хамракулова — байсунскому говору [1961] и т. п., были написаны с применением методики, разработанной в «Очерков» В. С. Расторгуевой.

2. Другой заслугой В. С. Расторгуевой было то, что она дала новую научно обоснованную классификацию таджикских говоров. Кстати, классификация таджикских говоров привлекала внимание ученых ещё в начале изучения таджикских говоров. А. А. Семенов в своем двухтомном труде «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии» [1900–1901], хотя и не ставил задачи классификации, однако намекнул на отличие говоров Каратегина и Дарваза от диалекта Бухары, особенно в сфере лексики. Первая попытка классификации была сделана П. Е. Кузнецовым в 1915 году. Ученому бросилось в глаза, что говоры горных таджиков (южных) отличны от говоров равнинных таджиков севера. В своей статье «Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий» он писал: «Таджикское наречие можно разделить на два говора: первый свойствен горным таджикам Каратегина, Дарваза, Рушана, Шугнана и пр., словом таджикам бассейна верхнего Аму, второй таджикам равнин, включая сюда Фергану и Ташкентский уезд» [Кузнецов, 1915, цит. по: Расторгуева 1964, 154].

В двадцатые годы прошлого века в результате перехода с арабской графики на латиницу стало уделяться больше внимания изучению говоров. Организация экспедиции в верховья Зеравшана под руководством И. И. Зарубина и отчет о результатах этой экспедиции, а также публикация работы о языке самаркандских евреев [Зарубин 1928] послужили пересмотру классификации таджикских говоров. Вторая попытка группирования таджикских говоров была осуществлена профессором М. С. Андреевым [1930]. В своей книги «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров», напечатанной в 1930 году, он выделил среди таджикских говоров не два диалекта, то есть «горные и равнинные», а две большие группы — северо-западные и юго-восточные. Эта классификация основывалась не на материалах научных экспедиции на местах, а на речи студентов-таджиков, которые учились в Ташкентском Институте по подготовке учителей. Свою классификацию он строит по 7 признакам отличительных черт в каждой группе.

Для юго-восточных говоров М. С. Андреев выделяет следующие особенности: 1) произношение краткого *у* (а иногда и *ӯ*) как *ы*; 2) наличие звуков *h* и *ɛ*; 3) отсутствие *ŷ*; 4) личное окончание в 3-м лице ед. числа; 5) отсутствие атрибутивной конструкции типа «*муаллима писар-аш*»; 6) отсутствие личного окончания в 3-м лице мн. ч. *-етон*; 7) отсутствие вопросительной частицы *-ми*.

Для северо-западных говоров М. С. Андреев выделяет следующие признаки: 1) сохранение кратким и долгим *у* своего качества (произносится как *у*); 2) отсутствие согласных звуков *h* и *ɛ*; 3) наличие гласного *ŷ*; 4) наличие личного окончания в 3-м лице ед. ч. *-ат*; 5) наличие окончания *-етон*; 6) наличие конструкции типа *муаллима писар-аш*; 7) наличие вопросительной частицы *-ми* [Андреев 1930, 60–63].

Исследования 30-ых годов показали, что эта классификация М. С. Андреева несколько неточна, по ней нельзя определить территорию говоров и диалектов. В. С. Расторгуева в 1948 году, изучая говор таджиков Варзоба, который совмещает черты как северных, так и южных говоров, предложила выделить третью группу таджикских говоров — центральную [Расторгуева 1948, 39]. Это предложение позже, в 1951 году, было поддержано рядом исследователей южных говоров таджикского языка, например А. З. Розенфельд [1951, 35–36].

Пятидесятые-шестидесятые годы являются наиболее плодотворным периодом в исследовании таджикских говоров. Организация коллективных экспедиций в Куляб и Дарваз, а позже в Сурхандарь-

инскую, Кашкадарьинскую и Бухарскую области Республики Узбекистан принесли хорошие результаты. Индивидуально были изучены говоры таких районов, как Бустонлик, Бурчимулло, Бухара, Самарканд, Бойсунский район Узбекистана, а также говоры Матчинского района Таджикистана. Все меньше белых пятен оставалось на диалектологической карте таджикского языка. Было накоплено множество новых фактов, которые не соответствовали прежней классификации. Так, например, понятие «центральный», которое было принято относительно говора столицы республики, теперь не соответствовало действительности, так как ряд особенностей северных говоров оказался присущ Каратагу и Варзобу. Кроме того, гласный заднего ряда, верхнего подъёма *ў* был зафиксирован в ванджском и дарвазском говорах. Это обстоятельство требовало пересмотра классификации таджикских говоров. Эта задача была осуществлена В. С. Расторгуевой. В докладе, прочитанном на XXV Международном конгрессе востоковедов, который в 1960 году состоялся в г. Москве, она предложила новую классификацию таджикских говоров. «При построении любой классификации, в том числе и диалектологической, — писала она, — особенно важным является подбор основного классификационного признака, на котором она базируется [Расторгуева 1964, 156]. В качестве стержневого признака В. С. Расторгуева предложила для таджикских говоров отражение в них исторических гласных заднего ряда, *u*, *ū*, *ō*, так как они: 1) показывают ход развития в таджикских говорах такой важной части системы языка как вокализм; 2) представлены в большом количестве слов и морфем, и потому заметны при первом же знакомстве с говором; 3) дают вполне четкие изоглоссы [Расторгуева 1964,156].

Кстати, фонетический критерий в классификации говоров и диалектов является наиболее удобным, на что в своё время указывали младограмматики. Согласно классификации В. С. Расторгуевой, таджикские говоры делятся на четыре большие группы: северные, южные, центральные и юго-восточные, каждая из которых, в свою очередь, обладает рядом диалектов. После шестидесятых годов было описано много ранее не известных или мало известных таджикских диалектов, в том числе говор хардури [Эшниязов 1967], говоры таджиков Яванского района [Джалолов 1967], говор таджиков Шаартуза [Саидова 1965], говоры таджиков окрестностей Андижана [Мурувватов 1974], говоры таджикоязычных арабов [Джураев 1975], говоры таджиков Китабского района Кашкадарьинской области Республики Узбекистан [Махмудов 1977], говоры таджиков Шахрисабза [Садулаев 1977], таджикские говоры Рамита [Бердиев 1977], говоры таджиков Учкургана и Лайлака Республики Киргизстан [Дж. Рахматуллаев] и др. При этом классификация В. С. Расторгуевой была подтверждена, пополнившись множеством новых сведений.

3. Шагом в развитии школы таджикской диалектологии стало издание фундаментального труда «Опыт сравнительного изучения таджикских говоров» [Расторгуева 1964]. Эта монография является итогом достижений в области изучения таджикских диалектов в течение почти ста лет. В «Очерках» и прочих работах описывались конкретные говоры. И накануне шестидесятых годов таджикская диалектология нуждалась в появлении сводного труда. Нужда в такой работе, глубокое знание и опыт подвигли В. С. Расторгуеву провести новое исследование в сфере таджикской диалектологии. Она писала: «Данная работа ставит целью положить начало сравнительному изучению таджикских говоров. В ней две основные, тесно связанные между собой задачи: 1) проследить, как отразились в разных говорах языковые явления, унаследованные ими от исходной общей для них системы, и на базе сравнения выявить некоторые тенденции и закономерности их развития; 2) установить изоглоссы, отдельных явлений и пересмотреть, таким образом, существующую классификацию таджикских говоров» [Расторгуева 1964, 14]. Одновременно с решением этих двух задач автор изучает следы других языков в таджикских говорах. Наряду с анализом материала существующих монографических описаний, В. С. Расторгуева использовала также и неопубликованные материалы ряда авторов, любезно предоставленные в её распоряжение. При этом она максимально учитывает весь доступный материал, приводит ссылки на статьи и студенческие работы. Так, чтобы подчеркнуть место гласного заднего ряда *ў* в говоре Дарваза, она упоминает студенческую статью З. Вахидова «Место *у* и *ў* в говоре Дарваза», опубликованную в 1954 году в «Сборнике научных работ студентов Государственного Университета Таджикистан» [Воҳидов 1954].

Таджикские говоры неравномерно отражают историческое наследие. Одни группы имеют преимущество перед другими в сохранении исторических элементов, другие группы более разнообразны по части системы языка. В. С. Расторгуева рассматривает вопросы отражения гласных заднего ряда — исторически краткого и долгого *у*, звука *ў* (*вов* маджгульный) и гласных переднего ряда — исторически краткого и долгого *и*. Из описания В. С. Расторгуевой становится очевидным, что состав гласных северных говоров таджикского языка (восьмифонемный, семифонемный и шестифонемный) соответст-

вует историческому развитию; прочие говоры в некоторой степени отошли от главной линии.

Говоры, как живой музей языка, сохраняют элементы прошлой и современной жизни языка. Диалекты отражают распространение языка в регионах, являя язык в его истории. В конце вышеуказанной книги приведены образцы диалектологического атласа, в котором приведены изоглоссы ряда диалектных данных.

Сравнительное исследование В. С. Расторгуевой на примере таджикских говоров, насколько нам известно, не имело аналогов в диалектологии народов Советского Союза. Поэтому это исследование получило высокую оценку видного русского диалектолога Р. И. Аванесова, знаменитого востоковеда М. Н. Боголюбова и других ученых Советского Союза.

Поскольку «Опыт сравнительного изучения таджикских говоров» был посвящен всем говорам и являлся обобщающим произведением, в работе не проводился сравнительный анализ данных внутри самой группы говоров. Поэтому позднее по рекомендации и при непосредственном руководстве В. С. Расторгуевой метод сравнения и обобщения был применен к группе южных говоров. Это исследование в пяти томах проведено сотрудниками Отдела диалектологии Института языка и литературы им. Рудаки АН Республики Таджикистан в 1979–1984 годах. В 1989 году данное издание было удостоено Государственной премии Таджикистана им. Абуали ибн Сино в области науки и техники. В. С. Расторгуева была первой в числе награжденных.

4. Исследование таджикских говоров, неплохо изученных, касалось в основном фонетики и морфологии. В монографических исследованиях лексике обычно посвящалось три–четыре страницы и прилагалось небольшое количество диалектных слов. Указывая на эти недостатки, В. С. Расторгуева в книге «Опыт сравнительного изучения таджикских говоров» пишет: «Отсутствие диалектологических словарей лишает нас возможности провести более или менее углубленный анализ лексики таджикских говоров. Поэтому мы вынуждены здесь ограничиться лишь некоторыми общими замечаниями» [Расторгуева 1964, 149].

В действительности, до шестидесятых годов в таджикской диалектологии мало уделялось внимания систематическому сбору диалектной лексики и составлению диалектных словарей, исследованию лексики говоров, хотя этот вопрос неоднократно обсуждался на всесоюзном уровне. После шестидесятых годов в Отделе диалектологии Института языка и литературы АН РТ началась подготовка к сбору

лексического богатства говоров таджикского языка, для чего была составлена специальная инструкция. Однако из-за неопределенности принципов составления диалектных словарей (т. е. каким должен быть диалектный словарь) было невозможно приступить к их созданию. Таджикские диалектологи признательны В. С. Расторгуевой, которая помогла в решении и этого вопроса. Пятый выпуск «Очерков», посвященный словарю таджикских говоров (Расторгуева 1963), стал первым образцом таджикско-русского диалектного словаря. Этот словарь включает слова и словосочетания, использованные автором в четырёх предыдущих «Очерках» в качестве примеров. Принципы составления данного словаря, хотя он является двуязычным (таджикско-русским), были положены в основу работы сотрудников отдела диалектологии при составлении диалектных словарей. Однако Вера Сергеевна из скромности не считала себя специалистом в составлении словарей. Когда в 1967 году мы вдвоем (с М. Махмудовым) приехали к ней для консультации по вопросу составления диалектологического словаря (к этому времени сотрудниками отдела диалектологии уже было собрано много материалов и составлен фонд, на основе инструкции), она направила нас к видному русскому диалектологу профессору И. А. Оссовецкому. При этом общеизвестно, что «Таджикско-русский диалектный словарь» В. С. Расторгуевой заложил основы нового направления в истории таджикской диалектологии.

В 1970 году при планировании исследовательской темы отдела диалектологии, по совету В. С. Расторгуевой, одновременно с темой «Системное исследование южных таджикских говоров» было включено в план и составление словаря этих говоров. Позже двумя сотрудниками отдела диалектологии был составлен образец будущего словаря — макет буквы «Д», который был передан на обсуждение и рецензирование сотрудникам Сектора иранских языков Института языкознания АН СССР, который в течение многих лет возглавляла В. С. Расторгуева. Таджикские диалектологи пятидесятых–шестидесятых годов отдавали должное исследованиям В. С. Расторгуевой, особенно её «Очеркам», многие из них (Н. Бегбуди, К. Тагирова, А. А. Керимова, М. Файзов, М. Махадов и др.) непосредственно под её руководством писали и защищали кандидатские и докторские диссертации. Мне повезло, что руководителем моей докторской диссертации стала В. С. Расторгуева. Без преувеличения можно сказать, что целое поколение таджикских диалектологов прошло школу В. С. Расторгуевой.

Хотя В. С. Расторгуева и жила далеко от Душанбе, однако её сердце принадлежало нашей республике, нашему народу. Несмотря на то, что в иранистике она занималась широким кругом вопросов, тем не менее, до конца восьмидесятых годов всегда была непосредственно связана с таджикским языком и его диалектами. По приглашению руководства Института языка и литературы В. С. Расторгуева неоднократно приезжала в Душанбе, под её непосредственным руководством таджикские диалектологи завершили две крупные темы — «Системное исследование южных таджикских говоров» (в 5 томах) и «Словарь южных говоров таджикского языка» (в 1997 издана только первая часть; в 2012 словарь издан полностью).

Круг научных изысканий В. С. Расторгуевой был очень велик, библиография её трудов составила отдельную книгу. Как отмечали А. Маниязов и Р. Гаффаров в своей статье, посвященной 70-летию В. С. Расторгуевой, «она является человеком, обладающим широкими и всесторонними знаниями, осведомленным как в области языковых фактов, уходящих в глубину веков, так и в теоретических проблемах современного языкознания» [Маниёзов, Ғаффоров 1984, 22].

До последнего времени В. С. Расторгуева поддерживала самые тесные отношения с Таджикистаном, считая себя дочерью этой земли. В свою очередь, весь таджикский народ и её ученики любят и почитают её как своего Учителя, Наставника и Друга.

Литература

Андреев М. С. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (Материалы). Сталинабад; Ташкент, 1930.

Зарубин И. И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев (Опыт характеристики. Материалы). Иран. II. 1928.

Кузнецов П. Е. Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий. Ташкент, 1915.

Расторгуева В. С. К характеристике варзобского таджикского говора // Вестник МГУ. 1948. 6.

Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 1. Варзобский говор таджикского языка. М., 1952; Вып. 2. Северные таджикские говоры полосы Шайдан–Ашт–Чуст–Кассансай. М., 1952; Вып. 3. Ленинабадско-канибадамская группа северных таджикских говоров. М., 1956; Вып. 4. Южно-ферганские говоры (Риштан, Сох) и говоры ура-тюбинской группы. М., 1961; Вып. 5; Таджикско-русский диалектный словарь. М., 1963.

Расторгуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964.

Розенфельд А. З. Некоторые вопросы таджикской диалектологии // Известия ЛГУ. 1951. 7.

На таджикском языке

Воҳидов З. Мақоми *у* ва *ӯ* дар лаҳҷаи Дарвоз // Сборник студенческих научных работ Таджикского гос. университета. Вып. 1. Сталинабад, 1954.

Маниёзов А., Ғаффоров Р. Вера Сергеевна Расторгуева // Забоншиносии тоҷик. Д., 1984.

Махмудов М., Джураев Г. Фарҳанги шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ (Словарь южных говоров таджикского языка). Душанбе: Дониш, 1997. Т. 1 (А–О).

Махмудов М., Джураев Г., Бердыев Б. Фарҳанги гӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ (Словарь южных говоров таджикского языка). Душанбе, 2012.